

“Просыпайся, Эйджу, пора идти”.

Что-то холодное коснулось моего лица, я приоткрыл один глаз и повернул голову. Она убрала ногу в тот момент, когда моя голова начала поворачиваться. Она была слегка влажной, холодная влага на моей щеке осталась как явное доказательство. На ней были темно-синие брюки, заканчивающиеся на лодыжках, и сетчатая рубашка, сквозь которую я мог видеть. Ее ареола и соски были ясны как день. Легко видна. Ее щеки слегка покраснели, и цвет стал еще ярче, когда наши глаза встретились. Она протянула мне руку, и я взял ее. Ее влажную ладонь было нетрудно схватить, но ее руки были горячими от волнения.

Тем не менее, она быстро подняла меня на ноги и прижалась своей грудью к моей. Грудь Рин была скромного размера, но, тем не менее, все еще мягкая. Прямо сейчас это ничего не дало мне из-за проводов, лишаящих мои руки возможности обхватить их ладонями. “Я подумала, что ты мог бы попробовать это ...” Сказала она, озорно улыбаясь. Она обхватила руками мои запястья, и этим утром я снова уступил ей, довольствовавшись тем, что держал ее за талию. “Хороший мальчик... Нельзя идти на работу, пахнущую сексом, это сделало бы нас слишком очевидными”. Она сказала: “К тому же, это дает мне что-то, чего я тоже жду, когда вернусь домой”.

Она прикусила мою нижнюю губу, а затем скользнула языком по моим зубам. Ее способность использовать дзюцу частичного расширения была секретом, и она использовала его только в такие моменты, как этот. Ее язык проскользнул глубоко в мое горло и закрыл дыхательные пути. Ее глаза были открыты, и она садистски ухмылялась, когда душила меня, заставляя заглатывать ее утолщенный и вытянутый язык. Влажный от скользкой слюны и горячий от вожделения. Затем она вытащила его.

Ее дыхание было горячим и влажным, аромат ее любимого леденца со вкусом кислого яблока проник в мой нос через заднюю стенку горла, когда я хватал ртом воздух. Несмотря на ее легкий садизм, я все равно поцеловал ее в ответ, мои губы прижались к ее губам, мягким и податливым, с кисло-сладким оттенком. - Тебе не положено есть конфеты на завтрак. - Сказал я приглушенно. Она только хихикнула и высунула язык. Я просунул свой под нее и пососал его. Какое-то время мы играли языками друг друга. Наслаждаясь близостью и ароматами друг друга. В конечном счете, по крайней мере, временно удовлетворяя наше желание быть единым целым.

Мой сердечный ритм усилился, как и ее. Мне нравилось чувство связи с моей сестрой-близнецом самым интимным из возможных способов, но нашей случайной встречи должно быть достаточно. Я хотел пойти дальше прямо сейчас, но не хотел, чтобы она тоже злилась. Это было плохо для ее психического здоровья и для моего. Мы целовались, казалось, целую вечность. Но на самом деле это было всего несколько секунд. Она оторвалась от своего рта в оцепенении. С тоской смотрит на мои губы. Она хотела большего, но потом закрыла глаза и усмехнулась. “Теперь я взрослый. Я могу сам принимать решения за завтраком.” Наконец, возразила она, в последний раз чмокнула меня в губы и отстранилась. Мои руки соскользнули с ее талии и упали по бокам. Я восхищался ею, когда она повернулась и начала надевать свое снаряжение.

С ее волос до плеч медленно стекала вода, а верхняя часть ее гибкой прозрачной рубашки

была обшита сеткой с ажурным рисунком. Каждый провод был обернут тонкой тканью, чтобы он не натирал и не врезался в кожу владельца. Ткань ее рубашки была усеяна капельками, и я мог видеть всю верхнюю часть ее тела. Она была беспечной, даже когда подмигнула мне, затем надела рубашку с длинным рукавом и застегнула бронежилет, выцветшего зеленого цвета, как и у любого другого джоунина или чунина, который имел право носить его, на спине у нее был символ Узушиогакуре, деревня, скрытая бурлящими приливами, представленная нашивкой вшитый в жилет, он представлял собой оранжевый круг с завитком, заканчивающийся посередине. Ее ноги были скрыты темно-синими брюками.

"Оставайся там в безопасности". Пробормотал я.

"Так безопасно, как я могу. Но это не значит, что шиноби может полностью избежать опасности". Она прикрепила свой мешочек с кунаями к правому бедру и проверила, есть ли у нее свитки. Затем она взяла свою маску, черную маску, сделанную из металла. Он покрывал всю ее голову и имел звериные уши. Вылепленный в Облике величественного волка. Она подбежала ко мне: "Еще один". - Сказала она, нежно прижимаясь своими губами к моим. Затем она прерывисто выдохнула со слезами на глазах. "Скоро увидимся". Пробормотала она и надела свои сандалии шиноби одну за другой.

"Скоро увидимся, капитан". Я отдал честь.

Она откинула голову назад, жест, который выполнял ту же функцию, что и закатывание глаз, когда она носила маску. Тем не менее она ответила на этот жест, прежде чем направиться к двери, чтобы встретиться со своей командой АНБУ.

Она ушла, и теперь был только я. Со стояком в штанах и ничем, чтобы облегчить его. Кроме моей правой руки и ее грязного нижнего белья, я думаю. Я посмотрел на потолок. "Не суди меня. Ты думаешь, я хочу пойти на свой первый день в качестве учителя без ясности, чтобы унижить моего мальчика перед кучкой ругателей?" Я ни у кого конкретно не спрашивал.

Излишне говорить, что я принялся за работу. Роясь в ее белье, я нашел ее трусики. У них все еще был женский мускусный аромат. Поэтому я натянул их через голову и начал драть в ее комнате. На ее столе стояла старая фотография, на которой она была запечатлена вместе с командой Минато. Видение лица моей сестры-близнеца помогло мне справиться с возбуждением. Я приближался и ускорил шаг. Я подумала о том, как наши языки сплетаются вместе-

Кончаю! Да, черт возьми!

"Увааах ... нии-сан, это как-то мерзко". Ее голос донесся из окна в то же самое время, когда тягучая сперма выстрелила из моего члена, обнаженного для ее обозрения. "Ты серьезно мастурбируешь на мою фотографию, когда я была моложе. Тебе нравятся такие вещи? Мы могли бы поиграть в трансформационное дзюцу, когда я вернусь домой?"

Я никогда в жизни так сильно не ощущал ясности после сна. Депрессия захлестнула мою душу,

когда я посмотрел на них троих на фотографии, покрытых каплями спермы. "Я думал, ты ушла".

"Что ж... Я ушла. Но я забыла свою повязку ". Она подошла к рамке для фотографий, взяла ее, натянула маску на рот и провела языком по покрытой спермой поверхности. "Никогда не думал, что смогу посмотреть, как ты мастурбируешь, и ты быстро перекусываешь этим". Сказала она и улыбнулась. Затем натянула маску обратно и повязала красную повязку на бицепс. "Убери это и прими душ, а затем приступай к работе". Она поцеловала меня, но на этот раз кончик моего члена дернулся от возбуждения, несмотря на мое унижение. Она натянула маску и снова ушла через окно.

Был ли я унижен? Я прочистил горло и отмахнулся. Кроме того, я почистил стекло и рамку для картины, как она приказала. После этого я начал убирать futon, на котором спал. Я расположил его в хорошем и удобном месте за диваном в гостиной. Мне нравилось спать, отвернув голову от окна, меньше шансов умереть от того, что кто-то протянет руку и перережет мне горло. Однако это дало Рин дурную привычку наступать мне на лицо после душа, чтобы разбудить меня. Не то чтобы я возражал... когда-либо. Для человека, который любил ноги так же сильно, как задницу и сиськи, было приятно просыпаться одинаково каждое утро. По крайней мере, она не кричала и не срывала одеяло, как это делала мама. Закончив уборку, я достал кое-какую одежду из шкафа в прихожей и отправился в ванную.

"Хорошо, я быстро приму душ, а потом пойду разбираться со своей новой работой и присматривать за племянником". - Сказал я, но новая навязчивая мысль пришла мне в голову: он был всего лишь ребенком, у него была своя квартира и все такое. "Ничего, если мы просто оставим его в его собственном месте вот так?"

Жить с двумя Биджу - стратегически плохая идея.

<http://tl.rulate.ru/book/82018/2556991>

<http://erolate.com/book/464/5239>